

тесе, Владика, смугре всеи, всегда и
везде: Кусио кусио мои буди все в
подвиге самоотречениа "

В годи странних нештаниа и полного
отчаяниа, когда силы физическис и нравствен-
ныя покидали меня, како чувствовала я
необычайный духовный подъем и чудесные
проявлениа силы Небесного.

Во мне происходила воскресела давно уг-
раженная вера и радостного неустрашимого
наполнилось сердце со сознаниа величия
Креста и моего неразумности с Ним.

Сейчас, в период о подвиге духовном,
како шедо я самоотдавание; во мне мне
чудно виден и разрешен что я довер-
на, могу и скажу что по емансе; что
разрешен я о чем скрывать сознане мое,
которой прикинул мисраб смертоносенны.

Немногие из нас имеют право к высшей
знанию; немногие обрели кавказцев,
которые помогают сохранить чуждому
вновь рожденным идеям, но когда, кто
научится творить мыслью вместе с
Вами, тогда сможем и душу и сердце в
себя, обращенные к Владыке.

И тогда пренебрежим через все изгнанные
идеи и идею веры и сможем его в
мозг и в сердце будущих воинов, кото-
рые выведут нас из земли Ашуга
Ашуга Человеча, на землю поган-
ной и сербренной души народа
нашего Кавказцев.

Твердый путь пройден нами и впереди
нам, заблудившись в полах нечи-
сты, с разрушенными фане Ашуга и
многие слова пойдут и душа же

Винная радость души, диверсий береж,
 Которую сводилась в чужих краях и ме-
 стех в Тахтиную корб.

Вам и писанья, мой земляк, казавшая, судам
 мой и мню повниме вваняем и унываде
 • на свие, иудей и ованей, попутно,
 Ким унею и не только пообещано пажре-
 мане не угуверен, но не свие
 тламенсеи воем факел, Которым дужно
 и освещать воем воем воем убоаду
 мое и одине, в Котором в судорох
 Котором судана мой.

Своего Преданне казавалась мню в
 • мой мню и и унываде вваняем
 Честие мню унею воем о даро-
 вани мне возможности унею ожа-
 мот мой мню в иуде во делю воем
 Котором и во мню освещенне

Судя по моему сестре видно
моя Вера очень рада моему
приходу к вам, надеюсь не в смысле
и успеха в своем судороге и
передать мне мое сердце мое в ду-
ховном смысле в Вера и другие
слова.

Душою с Вами Тамара

28/11-49

Mrs. Tamara Eagers
Germany, Würzburg, Central DP
Camp 263, Block 8, Zimmer 16
U. S. Zone.

L. V. Eagers

Как мечту лелеяла я мысль послать в Ваш адрес несколько листочков и в дни, когда весь мир желает друг другу исполнения самых дерзновенных надежд, я решила, что Вы их прочтете.

Уходит в историю веков 1949 год, год в котором на мировой арене скрестили шпаги ^{и сокрушили} разных политических течений, горящие желанием во что бы то ни стало укротить человека-зверя и родить новое, доселе неслыханное, содружество народов, что так близко к идее Н.К.; обрести те идеалы, ту истину, которые ~~жидали~~ пророки мира во все века. Возвратить все народы в лоно церкви Христовой и высоко поднять знамя: "НЕ В СИЛЕ БОГ, А В ПРАВДЕ".

Да б у д е т т а к!

А для меня этот год был годом величайшей победы над своей мятущейся душой. Годом, который заполнил зияющую пустоту души и сердца и напоил неизсякаемым источником желания служить заветам учения.

Только несколько книг было мне предоставлено на родном языке, только непродолжительное время я молилась с верными последователями учения, но Боже праведный, какие скалы неразрешенных вопросов нагромодились в моем разгоряченном мозгу. Как растерялась я, когда без всякой подготовки окунулась в чтение писем Махатм Индии и как стало все понятным, когда вслед за этим раскрыла первый том Ваших писем.

Для Вас все ясно и Вы одна не отнесетесь ко мне недоверчиво, если я еще и еще раз повторю, что это мое Евангелие и может быть силою духа своего я всег-
нахожу в нем ответы на те зовы, которые рождаются в моем сердце.

Сейчас я в чужой стране, но я не чувствую себя в ней растерявшейся, хотя язык ее мне совершенно незнаком. Мне вокруг улыбаются добрые люди, я вижу много глаз, сияющих человеческой любовью, я слышу биение близких по духу сердец и во мне ярким пламенем разгорается желание быть благодарной им за все хорошее, что они сохранили в себе в этот страшный век победы материалистических течений над высоким духовным началом.

И я пишу ... Пишу во все концы, куда попали мои собратья "в рассеянии сущие". Листочки свои я адресую большим и малолетним друзьям и стараюсь то бодрость в душах их поддержать, то надежду и веру в победу добра над злом укрепить, то призываю их вместе

со мной подняться на баррикады, которые я увидела своими духовными глазами в учении и решила стать воином, который готов по каплям отдать свою кровь в грядущей битве.

Быть может ступеньки, по которым я карабкаюсь на них, иногда слишком скользки и я спотыкаюсь, быть может я, израненная в ^{телом} теле пути, не всегда указываю своим друзьям верный путь, но мысли мои, но желания мои чисты и никогда не вложу я в них отравленных стрел.

Со всех сторон кричат, что я талант, талант природный и что я обязана писать. И я пишу...

Пишу ко всем, кто хочет меня слышать. Много накопилось, много гнева родилось против тирана и его пособников, которые распинают не только мой народ, но готовы залить злобой и человеконенавистничеством весь мир. И я пишу, облекая в образы, обряжая в красивые яркие тона протест свой, неустанно сверлящий мозг и сердце мое.

Я не ишу, но верю глубоко, что найдется издатель, который почувствует всю глубину, весь ужас не моих, о нет, переживаний, а того кошмара, который воцарился на родине моей и поймет, что мои слова, слова женщины, а не политиканствующих ораторов, должны услышать женщины всего мира.

Мне иногда говорят, что тема, которую я избрала, т.е. "Исповедь непримиримой" не нова, шаблонна и проч. А разве поэты, музыканты, писатели не говорили миру во все века все о той же любви, все о тех же эмоциях душевных? Разве стали реки течь в обратном направлении и нужен какой то новый, современный способ, что бы описать красоту их естественного течения?

Каждый смотрит своими глазами, каждый избирает свою дорогу и тропинки всё к одной и той же цели - во что бы то ни стало твердить миру о зле воцарившемся. Пусть ложь, пусть коварство изворачиваются, как змии, а нам всем, нам служителям светлых идеалов, не нужны фальшивые прожектора, ибо наш путь освещен горящим факелом любви, который всегда покорит ненависть и злобность. И я пишу...

И тема моя не продажная, ибо нет тех ценностей условных, которые могли бы ее заставить служить иным силам.

Иногда меня поднимает на почти невероятные высоты мой юношеский задор и я, забывая о своих годах, о временной немощи телесной, призываю с этих вершин

4

итти за мною толпу. Выступила в "Корнеги-Холл" (Нью-Йорк) перед аудиторией Одесского Землячества с тремя листочками; прочла их, задыхаясь от страха и от нахлынувших чувств; думала, что провалюсь с позором, но хлопки слушателей, благодарность устроителя митинга (д-ра Вайнберга В.С.), который не мог сдержать моего порыва и вынужден был дать возможность мне высказаться; увлажненные глаза, пожимающих мне руки незнакомок, которые говорили, что я их сегодня заставила прослезиться, дали мне силы и уверенность и дальше в любой форме и в любом месте звать на подвиг "Горения всеми огнями".

Дорогая, вся душа моя раскрыта перед Владыкой и Вами. Я чувствую его величайшую милость ко мне и дозор и часто думаю, что эта милость незаслуженна, ибо много грешила, часто ошибалась и лгала перед собой и людьми, а сейчас я молю об одном - укрепи и настави! Не погаси огонь вдохновения чудесного! Поддержи мой дух желаний быть частицей того рождающегося протеста, который сокрушит зло, который раскроет концлагеря томящихся страдальцев и даст им возможность вознести хвалу Тому, Кто послал им лишения и горе телесное, чтобы очистить души их от безверия и накопившихся сомнений.

Как хочется мне рассказать в своей исповеди, что только тропинки, ведущие к познанию силы Незримого, что только свет учения может вернуть мой народ-богоискатель к той Истине, во имя которой он отдал сейчас на алтарь искупления миллионы жертв.

Как хочется мне найти в себе силы звать неустанно всех, кто прозрел, кто познал весь ужас пустоты материалистической, звать во имя грядущей в мир Красоты, звать в почетный бой на любом участке, в любом уголке земного шара, звать во имя грядущей победы на наши баррикады.

Д а б у д е т т а к .

Но если путь мне широкий не указан, если Вы, прочив мои первые наброски, скажете мне: "Поработай еще над собой - я буду только писать друзьям, которые созвучны мне, буду оттачивать свой кинжал-свое перо и буду верить, что в этом мое назначение."

А если Вы разрешите мне послать в Ваш адрес несколько страниц моей исповеди, которую я думаю по частям вклинить, как старый багаж в очерки "На пути к новым берегам" - я буду безмерно счастлива, ибо слово Ваше заставит меня работать без усталости,

так как частенько я теряюсь в жизненном океане и мечтаю, как и всякий утопающий, о ястре спасения.

Всей душой, преданная Вам

22/ХП-49 г.

Брукфильд, Центр
Коннектикут, США

Анна
Загер

5

Д о р о г а я!

Мне трудно сейчас разобраться в тех звуках, которые переполнили все частицы и мозга и сердца после получения весточки от Вас.

Как в музыке мне хотелось бы переложить на ноты все слова и передать этот трепет духовный, но бывают моменты, когда человек весь закрывается, что то вынашивает в себе, заботливо охраняя от всех взоров и когда почувствует, что плод созрел и настойчиво представляет о своем праве на жизнь - вот тогда так легко поет душа и так просто льются звуки.

Я подожду, иначе слишком утомлю Вас тем хаосом, который еще царит во мне.

Посылаю свою "Исповедь".

Было желание поработать над ней, "подчистить" некоторые места, как профессионалу, но решила что именно тогда она станет "произведением" и утратит самое ценное - искренность и правдивость того периода, когда я писала ее впервые под наитием Незримого, к осознанию которого я подходила ощупью без всякого постороннего влияния и без столь необходимой поддержки, которая помогает избрать верный путь.

И Марточке Стуранс я прочла только беглые наброски, рожденные в темном лагерном углу, в часы, когда соседи по бараку были в об"ятиях Морфея, а я, усталости не зная, закрывши свет малюсенькой лампочки брошенным на нее лохмотьем, писала свою "летопись" до самого рассвета на бумажных клочках.

Вскоре мне была послана р а д о с т ь. Самые чистые, самые прекрасные сердца открылись навстречу мне и стала посещать небольшой кружок друзей, в котором с благоговением читали книги учения.

Прошло больше года и, конечно, мысли мои сейчас начинают постепенно принимать иное направление и я всеми силами стараюсь придать им точное определение, но то что рождалось само, то всего ценнее, ибо оно питалось моей собственной кровью.

Верю, глубоко верю, что если будет на мне благословение Владыки, я создам из этих отрывистых листочков образ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ, которая пронесла через все кошмары советской действительности, этого тяжелого ига духовного и физического, заветы предков своих во всей их христианской чистоте.

Я креплюсь, я молюсь, но, Боже Праведный, как бывает тяжело иногда и как хочется тогда прижаться к сердцу близкому, родному, сильному и потому так безмерно ценны Ваши слова "ДУХОМ С ВАМИ" и снова читаю и перечитываю строчки Ваших писем и чувствую душу родную.

Боюсь растеряться, боюсь впасть именно в мистицизм, от которого Вы так заботливо охраняете, но часто, очень часто меня и во сне и наяву посещает что то такое, чему я не могу подобрать здравого определения.

Ужаснее всего, что за последнее время, со всех сторон мне говорят о наличии во мне таланта, а я как то не могу проникнуться этим чувством и что то начинать именно поэтому творить. Все боюсь, что исчезнет тогда моя искренность и я начну фальшивить, подбирая, а не рождая образы. И всеми силами я отмахиваюсь от типичных газетных статей " в духе времени" и направления издания и с увлечением пишу письма на 10-ти и 15-ти страницах своим друзьям.

К новому году послала редактору Нов.Русского Слова небольшую статью сюжет которой я позаимствовала у своих лагерных друзей и нет в этом небольшом очерке ни слова вымысла, ни слова лжи, а наоборот все доведено до размеров именно газетной статьи, хотя жизнь этой женщины могла послужить темой для очень большого романа. Думала, что редактор или сокмкает ее, или поместит сокращенной и отредактированной где нибудь на последней страничке, но она появилась в новогоднем номере на первой странице после статьи Бунина о "Третьем Толстом" (Алексеем).

Посылаю Вам ее в копии, из которой не вычеркнуто ни одного слова.

В "Русской Жизни" (Сан-Франциско) также появилось совершенно неожиданно мое письмо, которое я адресовала лично своему заокеанскому другу проф: М.Т. Зароченцеву, но он нашел нужным переслать его из Лос-Анжелоса в редакцию., причем там добавлено: (продолжение следует ...), а какое?

И опять я растерялась. Помещают, а дальнейших указаний не дают...

Вот тогда я все отбрасываю в сторону, расстаюсь со своими писательскими вдохновениями и начинаю с остервенением работать, добывая себе минимальный прожиточный минимум. И вот тут уже у меня поле деятельности неограниченное. Ношусь, как ураган по всем углам и закоулкам, куда доступ мне открывается работодателями.

6

Но зуд писательский и там меня не оставляет и я мысленно пишу, иногда останавливаюсь с карандашом где нибуть в уголке и кажется что записываю именно самое необходимое, а иногда прислонившись к забору вынимаю из сумочки все тот же инструмент и прямо на улице ловлю свою музу и тут же закрепляю ее на бумаге.

Бедняжку Марточку прямо замучила своими взлетами и полетами. Чувствую, что порой она устает от такого избытка моей энергии и я стараюсь укрыться и от нее, но за то при встрече приходится обрушиваться накопившимся ураганом и мысль и зарисовок и она, моя несчастная мученица, урвав минутки свободные начинает со мной вместе летать в облаках дерзновенных полетов ввысь и то смеется от души над веселыми картинками из слов, то грустью переполняется, если плакало мое перо, то восторгом сочувствия заражается, если образы облеклись в художественные формы и приговаривает: "Милая, да ведь письма твои - это наследие твое. Храни их копии..."

Вот эти минуты я ценю и жажду, чтобы когда нибудь они превратились в долгие часы задушевных бесед, но мы с ней еще не сжились ...

Буду безмерно счастлива, когда получу возможность окунуться в чтение книг "Живой Этики". Все мне хочется узнать и часто бывает желание сложить две жизни в одну, чтобы все впитать в себя - такую неутомимую и ненасытную в алчности своей.

Сейчас читаю некоторые странички вслух своему супругу и молю Владыку, чтобы Он даровал ему счастье познать все величие Учения.

Мысленно склоняюсь перед величием Вашего духа

18/1-50 г.

П.С. Привет сердечный г-же Екатерине Камбель, теплой лаской которой мы были согреты в первые дни своего пребывания в новой стране.

Mrs. J. Lager
Brookfield-Center
Connecticut
U.S.A.

air mail

Mrs. E. Roerich
Roerich - "Crookety"
Kalimpong
West Bengal,
India

